

УДК 398.41

DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-3-156-169

VI Международная конференция «Демонология как семиотическая система» (РГГУ, 19–21 мая 2020)

Светлана Ю. Королёва

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия,
petel@yandex.ru*

Аннотация. 19–21 мая 2020 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялась шестая международная конференция «Демонология как семиотическая система». Раз в два года она становится научной площадкой, где встречаются фольклористы, этнолингвисты, антропологи, историки, культурологи и другие специалисты, исследующие «низшую» мифологию. В задачи конференции входит обмен опытом, полученным при исследовании различного материала: античных текстов, средневековой литературы, этнографических источников XIX–XX вв., новейших полевых данных. Тематика этого мероприятия – демонологические сюжеты и мотивы, номинации мифологических персонажей, их визуальные изображения, ритуальные формы коммуникации с духами, социальные практики различных культур и эпох, связанные со знахарством и колдовством.

Ключевые слова: демонология, фольклор, международная конференция
Для цитирования: Королёва С.Ю. VI Международная конференция «Демонология как семиотическая система» (РГГУ, 19–21 мая 2020) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 3. С. 156–169. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-3-156-169

6th International conference
“Demonology as a semiotic system”
(RSUH, May 19–21, 2020)

Svetlana Yu. Korolyova

Perm State University, Perm, Russia, petel@yandex.ru

Abstract. The sixth international conference “Demonology as a semiotic system” was held at the Russian State University for the Humanities, on May 19–21, 2020. Once every two years, it becomes a scientific forum for folklorists, ethnolinguists, anthropologists, historians, culturologists and other specialists who study the “lower” level of mythology. The aims of the conference include the exchange of experience gained in the study of various data: ancient texts, medieval literature, ethnographic sources of the 19th – 20th centuries, the new field interview. The theme of that event is demonological plots and motives, nominations of mythological characters, their visual images, ritual forms of communication with spirits, social practices of various cultures and eras connected with witchcraft.

Keywords: demonology, folklore, international conference

For citation: Korolyova, S.Yu. (2020), “6th International conference ‘Demonology as a semiotic system’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 3, pp. 156–169, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-3-156-169

С 19 по 21 мая 2020 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялась VI Международная научная конференция «Демонология как семиотическая система». В этом году ее проведение в привычном «очном» формате помешала неблагоприятная эпидемиологическая ситуация, и организаторы перенесли конференцию на одну из онлайн-площадок. Возросшее количество «виртуальных» слушателей и живые обсуждения докладов показали, что тема конференции продолжает вызывать у специалистов значительный интерес.

Думается, что одна из причин этого интереса – возможность сформировать одновременно более детальный и целостный взгляд на «низшую» мифологию, принципы ее организации, круг источников, методы исследования. Раз в два года конференция «Демонология как семиотическая система» становится местом встречи для представителей разных научных дисциплин, что обеспечивает широкий хронологический охват и географическое разнообразие мифологических традиций, представленных в докладах. Материалом для изучения становятся античные памятники, средневековая книжность, этнографические свидетельства XIX–XX вв.,

новейшие полевые записи. При этом специалисты рассматривают не только отраженные в устных и письменных текстах демонологические сюжеты и мотивы, но и номинации демонологических персонажей, их визуальные изображения, ритуальные формы коммуникации с духами, судебные практики различных эпох, направленные на искоренение «колдунов и еретиков» и т. д.

Директор Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени *Д.И. Антонов* (РГГУ; РАНХиГС, Москва) открыл тематический блок, посвященный визуальным воплощениям демонических существ. В докладе «Живой истукан: визуальные модели идолоборчества в русской иконографии» он обратился к сценам, где святой сокрушает идола, демонстрируя торжество христианства. Сравнение европейской и русской иконографии показало, что эта ситуация изображается в них по-разному: как разрушение/распад истукана на части или наделение его чертами беса в первом случае и как падение либо поклонение кумира – во втором. На общем фоне интерес представляет модель, реализованная в клейме ростовской иконы XVIII в., где идол Велеса, сокрушаемый св. Авраамием Ростовским, уподоблен Христу, а вся сцена – Распятию. По мнению докладчика, такой визуальный ход мог указывать на роль ложного бога, которую играл идол-демон. Тему противостояния святых и демонов продолжил доклад «Святые Никиты и их бесы» *Л.Б. Сукиной* (Институт программных систем РАН, Переславль-Залесский). Она обратила внимание, что сюжеты житий двух русских святых – Никиты Переславского и Никиты Новгородского – содержат несколько тематических элементов, восходящих к житию Никиты Великомученика (Готфского) и апокрифу о Никите Бесогоне. Одним из таких элементов является эпизод борьбы святого с бесами, подчеркивающий его прозорливость и выступающий индикатором святости. Докладчица сравнила соответствующие сцены из житий русских праведников и клеймы житийных икон, показав, что изображения бесов в них определяются не только агиографической традицией, но и фантазией иконописцев. К «облику бесовскому» обратилась и *О.А. Кузнецова* (МГУ, Москва) в докладе «Визуализация грехов на теле беса (к сюжету о Макарии и тыквах)». Исследовательница сосредоточилась на особой разновидности патериковой истории о встрече святого с демоном, увешанным сосудами, а именно на таких ее воплощениях, которые включают подробные описания грехов и мест расположения сосудов. Докладчица показала, что сюжет, отразившийся в книжной миниатюре и лубке, имеет связь с более ранней традицией Средневековья, где органы чувств и части тела наделялись разнообразными аллегорическими толкованиями, в частности, на поучительных гравюрах к ним символически

«привязывались» различные человеческие добродетели и пороки. *В.В. Хухарев* (Музей ремесла, архитектуры и быта, Калуга) в докладе «Бес, „ограждённый“ в сосуде, и один сюжет тверской монетной чеканки» высказал предположение, что физическая расправа святого с бесом и его заключение в сосуд – это сюжет, который встречается не только в переводной книжности и оригинальных древнерусских сочинениях, но и в тверской монетной символике XV в. Именно так докладчик интерпретировал встречающееся на монетах изображение человека в остроконечном головном уборе и длиннополом одеянии, с топором в одной руке и сосудом – в другой. С его точки зрения, сосуд выступает здесь как знак присутствия бесовской силы (вода булькает без огня) и место возможного заточения беса, в целом же сцена может прочитываться как предостережение фальшивомонетчикам, одержимым «бесовскими кознями».

Особенности восточной демонической иконографии осветил *П.В. Башарин* (РГГУ, Москва) в докладе «Образы демонов в персидской Рамаине из коллекции Галереи искусств Фрир». В индоперсидской живописи маркерами демонической природы выступает пятнистая кожа, клыки, огненные брови, пылающие глаза, густые хвосты. На примере миниатюр к персидской Рамаине (1601) исследователь показал, как в изображения демонов проникают автохтонные индийские элементы, при этом слишком экзотичные, полностью выбивающиеся из канона черты ракшасов приглушаются или полностью нивелируются мусульманскими художниками.

Четыре выступления были посвящены западноевропейской средневековой визуальной культуре. *М.Р. Майзульс* (РГГУ, Москва) в докладе «Споры о „еврейском носе“: физиогномика демонов и грешников в Средние века» напомнил, что хищные крючковые носы евреев, встречающиеся в антисемитских карикатурах и плакатах Нового времени, имеют своим истоком средневековую иконографию, где таким же профилем наделяются изображения Иуды Искариота, первосвященников, фарисеев. Однако, как показал исследователь, «еврейский» типаж использовался в то время более широко – для изображения любых иноверцев и еретиков, воплощающих инаковость и злодейство. С другой стороны, самих иудеев представляли не только с крючковатым, но и с плоским вздернутым носом; эта «физиогномическая пара» установилась в западном искусстве еще в XII в. Доклад *Д.Д. Харман* (РГГУ, Москва) «Гравюра Даниэля Хопфера Gib Frid (ок. 1510–1520) и история иконографического мотива старухи – победительницы демонов» был посвящен мотиву, популярному в позднесредневековом искусстве Северной Европы и встречающемуся

на фресках, мизерикордах, в гравюрах и живописных произведениях, карнавальных пьесах и стихах, а позднее – в фольклорных пословицах и сказках. Традиционно мотив состоит в том, что одна или несколько старух бьют и связывают демонов, демон в страхе убегает от них или как-либо иначе показывает свой страх. Докладчица охарактеризовала особенности воплощения этой ситуации на гравюре немецкого мастера Д. Хопфера и предположила, что в XVI в. юмористические изображения пожилых женщин, побивающих беспомощного демона, могли восприниматься в контексте охоты на ведьм и реального страха перед фигурой сварливой старухи-ведьмы, которую боятся даже потусторонние силы. *В.А. Косякова* (РГГУ, Москва) в докладе «А был ли дьявол: кого мы видим на изображениях ада у Иеронима Босха?» представила монументальные триптихи художника как своего рода визуальную энциклопедию позднесредневекового ада, его обитателей, атрибутов мучений и пыток. Босх создает множество гибридных демонических существ, и за этим многообразием inferнальных образов и личин сложно выделить центральную фигуру – дьявола. Докладчица перечислила детали, позволяющие определить повелителя ада, и указала, из каких образов и текстов художник конструировал его облик. *М.В. Тендрякова* (ИЭА РАН; РГГУ; РАНХиГС, Москва) в докладе «Дьявол и его субституты в пространстве храма» сосредоточила внимание на «дьявольских» изображениях в сакральном церковном пространстве. Помимо картин, мозаик и фресок с изображением суда над душами грешников, предполагающего присутствие демонических существ, в храме имеются особые персонажи, которые не являются inferнальными существами как таковыми, но могут пониматься как субституты дьявола, поскольку воплощают привносимые им в мир пороки. В церквях и соборах Германии XVI–XVII вв. такие персонажи изображаются на периферийных архитектурных деталях, воплощаются в резных деревянных фигурках на церковных хорах.

Ряд докладов был посвящен социальным и культурным практикам Средних веков и Нового времени, связанным с магией и колдовством. *О.И. Тогоева* (ИВИ РАН, Москва) в докладе «Abominable watching. Английские охотники на ведьм раннего Нового времени и их следственные эксперименты» рассказала о деятельности так называемых охотников на ведьм (witch-finders), отсутствовавших в Континентальной Европе, но ставших популярными в Англии и спровоцировавших в середине XVII в. самую крупную кампанию по выявлению колдунов. Основываясь на трактатах и памфлетах, посвященных расследованию «ведьмовских» дел, докладчица охарактеризовала методы следствия, их теоретические основания и

объяснила, почему они в конце концов были сочтены незаконными. *Г.В. Бакус* (НИЦП «Тверьком», Тверь) в докладе «Кто кому служит?: взаимоотношения человека и демона в контексте некромантии и колдовства» рассмотрел встречающиеся в средневековых трактатах упоминания о лицах, практиковавших магию, основанную на взаимодействии с демонами. Анализируя конкретные примеры магических текстов и формул из анонимного сборника XV в., докладчик показал, что возможные варианты использования инфернальных сил могли заключаться в причинении физического вреда врагам и принуждении женщин к любви. Эту тему продолжил *Л.Ю. Куприн* (Самарский государственный социально-педагогический университет) докладом «Представления о возможностях дьявольских сил в период Позднего Средневековья согласно гримуару “Малый Ключ Соломона” (Lemegeton Clavicula Salomonis)». Исследователь обратился к фрагменту трактата с описанием 72 злых духов, их внешнего вида и функций и пришел к выводу, что наибольший интерес для лиц, готовых обратиться к ним за помощью, представляли знания светского и магического характера, обретение выгодных связей и должностей, тогда как сословный статус человека считался мало подверженным дьявольским манипуляциям. На собственно литературном материале был основан доклад *Я.А. Крутилина* (СПбГУ; РНБ, Санкт-Петербург) «На перепутье традиций: Дьявол в раннем английском романе». Четыре ранних английских романа (истории о Вергилии, Роджере Бэконе, Роберте Дьяволе и брате Раше), где одним из действующих лиц является Дьявол, в разной мере отражают демонологические представления, характерные для «низовой» культуры своего времени. В этих романах встречаются предания о магах, мифы о детях, зачатых сверхъестественными силами, анекдоты о коварных проделках Сатаны; будучи по форме авантюрно-приключенческими произведениями, они представляли собой моральные наставления. По мнению автора, эти книги ценны еще и тем, что на их фоне может быть по-новому понята известная история доктора Фауста. Доклад *Г.В. Александрова* (НИУ ВШЭ, Москва) «Давно потерянный друг: народное колдовство и целительство пенсильванских немцев в XX в.» был посвящен поздней магической традиции, основу которой составили европейские практики, привезенные в XVIII в. из Северной Европы в Новый Свет. Народное колдовство пенсильванских немцев, известное как *paupa*, в значительной мере опирается на книжную традицию, в частности тексты «высокой» магии раннего Нового времени, но включает и сугубо «американские» нововведения. Устойчивости народных способов целительства способствовала замкнутость и специфическая религиозность местного сообщества.

Часть исследований, представленных на конференции, была основана на современных полевых материалах. *А.В. Кочнев* (УрФУ, Екатеринбург) в докладе «Антропология бесноватости и существование феномена отчиток в региональном аспекте современного общества» обратился к феномену изгнания бесов в традиции Русской православной церкви, обратив внимание на отсутствие в ней официального чина экзорциста и четкой регламентации работы с «бесноватыми». На примере практики экзорцизма в одном из уральских монастырей исследователь перечислил вербальные и невербальные признаки, по которым священнослужители самостоятельно идентифицируют «бесноватых» среди прихожан (крик, рычание, заламывание рук, тошнота, отвращение к освященным предметам, ругань и т. п.) и описал способы силового воздействия на «одержимых» во время «отчиток». В совместном докладе *Е.В. Быковой* (Вятский государственный университет, Киров) и *А.А. Пригарина* (Одесский национальный университет, Украина) «Пророческие мотивы в старообрядческом лубке о “компьютерном концлагере” в сети всемирной паутины» слушателям был представлен анализ созданного в 2010 г. настенного листа, распространенного в среде старообрядцев-часовенных на Енисее. Современный лубок воплощает традиционные для старообрядческого сознания поиски примет грядущего Апокалипсиса в новейших реалиях техногенного мира (компьютерах, ноутбуках, сотовых телефонах, штрих-кодах и т. п.). Многочастная композиция сочетает приемы древнерусских лицевых миниатюр и современной газетно-журнальной графики, включает стихи и лозунги. Доклад *С.Ю. Королёвой* (ПГНИУ, Пермь) «“Визуальная демонология” современного спиритизма (изображения черта и его вербальные описания участниками гаданий)» был посвящен образу черта, которого рисуют участники современных спиритических гаданий. Рисунки-реконструкции и комментарии информантов позволили выявить правила, действующие при коммуникации с чертом и создании его визуального образа, в частности запрет на изображение лица, предписание рисовать улыбку, трезубец, несколько фигур чертей и т. д.; некоторые детали внешности нарисованного «духа» находят соответствие в традиционных представлениях о нечистой силе.

Тему современной городской демонологии продолжил доклад директора ЦТСФ РГУ *О.Б. Христофоровой* «О демонах старых и новых, или Кто такая Надежда Павловна Коханова?», посвященный особой ритуализованной практике, направленной на поиск потерявшихся вещей. Новый ритуал, состоящий в символическом «дарении» пропавшего предмета даме/духу с указанным именем, возник в 2011 г. в закрытом блоге на основе семейной

легенды, выступившей как «конституирующий миф». Ставший популярным персонаж, как было показано в докладе, конкурирует с другими духами (чертиком, домовым), к которым обращаются с аналогичными просьбами, при этом коммуникация с «Н.П. Кохановой» строится по известным традиционным моделям, а рассказы о ней из сферы рунета постепенно переходят в устное бытование. «Сувенирной» иконографии посвятила свой доклад «Визуализация образа домового духа в современных домашних “оберегах”» Б.А. Леонова (Орловский государственный институт культуры). По ее мнению, в антропоморфных фигурках домовых проявляется взаимодействие фольклорных моделей с визуальными клише массовой культуры, отчасти восходящим к литературным интерпретациям образов народной демонологии. Хотя сувениры-домовые устойчиво ассоциируются с русской этнокультурной традицией, в их образе на первый план выходят черты «духов-обогатителей», тогда как амбивалентные и негативные признаки, присущие этому мифологическому персонажу в быличках, полностью нивелируются. В докладе Е.М. Моховой (РГГУ, Москва) «Мотив сделки с демоном в американских комиксах (DC и Marvel Comics)» была рассмотрена ситуация контакта героя и демонического персонажа, реализованная в коммерческой масскультурной продукции. Супергерой может выступать как «специалист» по взаимодействию со сверхъестественным, целенаправленно путешествует в ад, однако встреча героя с демоном может произойти и случайно. В конечном итоге сделка заканчивается победой человека или его гибелью. К материалу фольклора, литературы и современной популярной культуры обратился Джузеппе Майелло (Университет финансов и управления, Прага, Чехия) в докладе «Как *упырь* стал *вампиром*: Дракула, славянский вампир и продукт массовой культуры»¹, чтоб проследить эволюцию популярного мифологического персонажа. Исследователь определил узловые точки, когда слово (а вместе с ним и образ) перешло из одной группы жанров в другую, и прочертил две линии его научного анализа: западную, больше ориентированную на теологию, историю литературы и кино, и восточноевропейскую, направленную на изучение этнографических источников.

Медицинско-антропологический аспект демонологических представлений был представлен в докладе И. Зислина (Израиль, Иерусалим) «Черт в Замкадье, или Как демон побеждает врача». Исследователь рассмотрел клинический случай, особенностью которого являлось редкое содержание бреда пациентки и его и

¹ Giuseppe Maiello. How the *upyr'* become the vampyr: Dracula, the Slavic vampire, and a product of mass culture.

высокая резистентность. Главным «действующим лицом» психоза был черт, живущий со своей семьей в «Замкадье». Анализируя этот психопатологический феномен, докладчик представил взаимоотношение культурных, личностных и биологических факторов, которые могли сыграть определенную роль в формировании «чертовского бреда».

В нескольких исследованиях внимание ученых привлек античный и библейский материал. *И.Е. Суриков* (ИВИ РАН; РГГУ, Москва) в докладе «Ленора – Прокрида – Пенелопа: деградация фольклорного мотива “Муж/жених как демон с того света”» попытался представить три различных произведения как реализацию одной сюжетной схемы, основанной на возвращении к героине долго отсутствовавшего жениха/мужа, который впоследствии оказывается демоном-мертвецом. По его мнению, в наиболее «чистом» виде эта повествовательная структура представлена в (пред)романтической балладе Г. Бюргера, тогда как античные истории Прокриды и Пенелопы интерпретируются им как «деградация» архаичного мотива. *Р.В. Заратин* (РГГУ, Москва) в докладе «Римский миф о стриксах и этрусские демоны подземного мира» обратился к сюжету, изложенному Овидием, о спасении ребенка, будущего царя, от стриков – птиц-демонов, пьющих кровь младенцев; докладчик попытался найти параллели этому демоническому орнитоморфному образу в мифологии других народов. *Е.В. Матерова* (ПСТГУ, Москва) посвятила свой доклад «Демонизация лягушки или уничтожение дьявольских сил? Заметки к интерпретации Откр. 16:13–14» фрагменту Откровения с упоминанием выходящих из уст лжепророка трех нечистых духов, подобных жабам, а также его ветхозаветной параллели – эпизоду с нашествием лягушек (Исх. 8.1–15). По мнению исследовательницы, библейские прецедентные тексты закладывают два подхода к интерпретации образа лягушек в христианской книжности: демонизирующий (лягушки = демонические силы, внушающие ужас и отвращение, связанные с грехом и нечистотой) и травестирующий (демонические силы = лишь ничтожные лягушки), восходящий к античному представлению о лягушке как комическом существе. Участники конференции затронули и проблему славянского язычества. *В.Я. Петрухин* (ИнСлав РАН; НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Кони в средневековой магии западных славян» обратился к рассказам латинских авторов о ритуалах гадания у балтских славян, которые те осуществляли в языческих храмах с использованием священных коней. Исследователь выразил сомнение в дохристианском характере этих ритуалов, поскольку схожие гадания по поведению коня были широко распространены у разных народов, а их интерпретация как языческих могла быть обусловлена

взглядом христианских авторов. В этом же ряду докладчик предложил рассматривать свидетельство Козьмы Пражского (XII в.) о ритуале разрезания невидимых пут на ногах коня для бегства от погони, которое могло отразить современную хронисту магическую практику. *О.В. Кутарев* (РХГА, Санкт-Петербург) в докладе ««Список Длугоша»: польские боги, демоны или домыслы? Источники Яна Длугоша» предложил пересмотреть вопрос об источниках, использованных польским хронистом, упоминающим имена языческих божеств (Лады, (Дзидзи)лели, Маржаны и др.), которые в российской науке принято относить к «кабинетным» богам. Однако Ян Длугош не придумал их, а опирался на тексты начала XV в., в том числе церковные статуты, запрещавшие народные игры и культы. В качестве важного источника «списка Длугоша» докладчик указал и малоизвестные проповеди Лукаша из Великого Козьмина, где некоторые персонажи появляются на полвека раньше; в целом, по мнению исследователя, хроники Я. Длугоша отразили церковно-книжную традицию первой половины XV в., позднее почти исчезающую.

Еврейская мифология была представлена в докладе «Рассказы о диббуке или вселении злого духа в еврейских восточноевропейских письменных источниках XIX в.» *М.М. Капиной* (РГГУ, Москва). Возвращаясь к разговору об экзорцизме, докладчица на материале еврейских хроник и агиографических текстов охарактеризовала злого духа диббука, описала ритуалы его изгнания, проводившиеся хасидскими цадиками и раввинами, а также указала параллели в более ранней еврейской книжной традиции XVI–XVII вв. Она обратила внимание, что обычно злой дух имеет имя, предстает как существо мужского пола, а его жертвой чаще является девушка. Не желая покидать человека, демон ставит условие ухода; у него требуют не причинять никому вреда, выйти из тела незаметно (через мизинец и т. п.), иногда диббук возвращается к жертве. Актуальное состояние еврейской традиции в Дагестане охарактеризовала *С.И. Погодина* (Латвийский университет, Рига) в докладе «Обережные практики горских евреев: по материалам экспедиций 2018–2019 гг.». Исследовательница рассказала, что современная еврейско-горская община сохраняет веру в демонические силы, персонифицируемые в виде болезней, а также в сглаз и порчу. Обережные действия и апотропеи входят как в повседневную коммуникацию, так и в обрядовое поведение, роль апотропеев играют имена и некоторые предметы.

В нескольких выступлениях основным предметом исследования стали мотивы и лексические единицы, связанные с демонологическими персонажами. *Е.Е. Левкиевская* (РГГУ, Москва) представила доклад «Мифологическая функция & мифологический

персонаж: соотношение единиц мифологической системы», в котором развила наблюдение польского фольклориста К. Мошиньского о свойствах мотивов, из которых складывается образ персонажа. По его наблюдениям, один из мотивов оказывается главным («кристаллическое ядро»), другие – вспомогательными, при этом отдельные демонологические элементы почти никогда не привязываются лишь к одному мифологическому образу, а «странствуют свободно» в пределах демонологической системы. С этой точки зрения докладчица проанализировала мотив «давить, души́ть спящего человека» и показала, что в восточно- и южнославянских традициях он в качестве одной из функций встраивается в разные мифологические образы (*домового* у русских, *домовика* у белорусов и украинцев, *мары* у южных славян), а в западнославянской традиции реализуется как самостоятельная мифологическая единица (*змора*). При этом мифологическому действию приписывается разное значение: персонаж давит, души́т человека 1) с прогностической целью; 2) в наказание за неправильное поведение; 3) проявляя свою демоническую природу; 4) так как был зачат в запретное для супружеских сношений время. Наличие нескольких значений позволяет говорить о различных семантических вариантах этой функции (и о полисемии данного мотива). Ю.А. Шкураток и А.В. Кротова-Гарина (ПГНИУ, Пермь) в докладе «Об опыте лексикографического описания коми-пермяцких мифологических персонажей» отметили редкость введенных в научный оборот аутентичных мифологических рассказов на коми-пермяцком языке (которые обычно публиковались в русских пересказах или в литературной обработке). Исследовательницы рассказали о принципах работы над двуязычным сборником быличек в новейших записях («Материалы по коми-пермяцкой демонологии», авт.-сост. А.В. Кротова-Гарина, Ю.А. Шкураток, А.С. Лобанова, С.Ю. Королёва, И.И. Русинова, Пермь, 2020) и о составлении словаря названий коми-пермяцких мифологических персонажей. Тему актуальной демонологии финно-угорских народов продолжил доклад «Ведьмы, черти и мифическое племя: количественная и гендерная характеристика *овды* в современном марийском фольклоре» Г.Ю. Устьянцева (ИЭА РАН, Москва). На основе полевых материалов из Марий Эл и Кировской области исследователь выделил различные ипостаси, встречающиеся в локальных марийских традициях. Он показал, что овда может представляться: 1) как единичное женское демоническое существо, обитающее в «пограничных» пространствах (оврагах, лесах, горах); 2) группа вредоносных женских существ, владеющих колдовством и живущих в лиминальном локусе; 3) мифический народ (злой, с вывернутыми коленями и т. п.), обитавший на земле марийцев

или все еще живущий тут. Зловредными действиями овды объясняются особенности местного ландшафта, возникновение и исчезновение поселений. Марийской демонологии был посвящен доклад «Мифологическая лексика в марийских народных играх» М.А. Ключевой (Марийский НИИ языка, литературы и истории, Йошкар-Ола). По ее наблюдениям, апеллирующая к мифологическим представлениям игровая лексика включает наименования демонологических персонажей, ряженных и магических специалистов (*осал* 'черт', *екиўк* 'леший', *вйт овда* 'водяная овда', *кара/караче* 'ряженный', *мужан* 'ворожец' и др.) и в основном используется для наименования водящего. Докладчица предложила этимологические справки к различным лексемам и подробно рассмотрела наименование *вувер/увер* 'ведьма, упырь', являющееся в марийском языке тюркизмом.

Основываясь на полевых исследованиях 2019 г., об актуальных тибетских магических практиках, направленных на взаимодействие с духами, рассказала Валентина Пунзи (Неаполитанский университет, Италия; Тартуский университет, Эстония) в докладе «Домашний ритуал миньяк для изгнания демонов»². Исследовательница описала апотропеические ритуалы, практикуемые в тибетской общине миньяк на юго-западе Китая для обеспечения благополучия семьи. Особое внимание было уделено фигуре местных знатоков ритуала, их снаряжению и изготовлению ритуальных предметов для изгнания демонов. Разговор о тибетских традициях продолжила Кики Дома Бхутиа (Тартуский университет, Эстония; Государственный университет Огайо, Колумбус, США) докладом «Мстительные божества: концепт подкупа богов»³. Докладчица рассмотрела случаи, когда человек стремится отомстить своему обидчику, наслав на него болезнь или проклятие, и прибегает для этого к частому проведению определенного ритуала, чтобы заручиться помощью божества.

Темой заключительной части конференции стали мифоритуальные традиции двух граничащих друг с другом регионов – Сибири и Монголии. Д.А. Носов (ИВР РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Духи-хозяева местности в политико-административной практике первых лет существования Монгольской Народной Республики» обратился к неопубликованным работам студента-монголоведа В.А. Казакевича, в 1920-х гг. наблюдавшего за чиновниками-монголами, выделявшими земли для бурят-переселенцев по рекам Керулен и Халхин-гол. Исследователь отметил, что на политико-

² Valentina Punzi. A Minyak domestic ritual for dispelling the demons.

³ Kikee Doma Bhutia. A revengeful deities: The concept of bribing the gods.

административную практику прямо влиял культ духов – хозяев местности. Духи имели иерархию, которая выражалась в статусе дарителя, приносящего им жертвы; слияние духа-хозяина с локусом обитания приводило к одушевлению ландшафтных объектов. Незнание правил взаимодействия с ними становилось маркером «чужого» и служило основанием для недопуска к хозяйственному использованию территории. На современных полевых материалах, собранных в различных районах Монголии (2006–2019), был построен доклад А.А. Соловьёвой (Тартуский университет, Эстония; НИУ ВШЭ, Москва) «Разъяренные святыни», посвященный мотиву разрушения почитаемого объекта, известному в фольклоре многих народов. Исследовательница рассмотрела верования, связанные с почитанием природных локусов, выделила их особую разновидность – «гневные места», описала особенности демонических проявлений священного, а также показала, как в повествовательной традиции отразился конфликт двух разных идеологий – государственной и традиционной. Клеман Жакму (Clément Jacquemoud, Высшая школа социальных исследований, Париж, Франция) в докладе «Из леса в космос: эволюция представлений о духе горлового пения *kai eezi* у тюркоязычных народов Южной Сибири»⁴ описал практику исполнения фольклорного эпоса у алтайцев, шорцев и хакасов, связанную с верой в то, что сказителем во время исполнения управляет особое духовное существо – Кай-Ээзи. Опираясь на этнографические материалы и современные полевые данные, собранные в Республике Алтай в 2005–2017 гг., исследователь выявил трансформации этих представлений, вызванные, с одной стороны, бурханизмом, а с другой – процессом глобализации. Необычному случаю, растиражированному масс-медиа в 2020 г., был посвящен доклад С.С. Макарова (ИМЛИ РАН, Москва) «Это не предание, а реальные события...». Современный нарратив о шамане: построение и перлокутивный эффект медиатекста». Его основу составил рассказ об одержимости якутской девушки, модели и певицы, родовыми духами, «навязывавшими» ей шаманскую деятельность и приведшими к ранней гибели. В меморате матери присутствуют как традиционные шаманские мотивы (манifestация дара в детстве, шаманская болезнь, поиски бубна, творимые «чудеса», участие в жизни живых после смерти), так и современные реалии. По мнению докладчика, целью ее рассказа о дочери могло быть создание «коммеморативной ситуации», однако в осмыслении нуждается неожиданно большая

⁴ Clément Jacquemoud. From the forest to the cosmos: Evolutions in the representations of the spirit of throat singing *kai eezi* of the Turkic speaking peoples of Southern Siberia.

популярность видеоинтервью и предпосылки к возникновению персонального культа юной шаманки. О новациях в шаманских традициях шла речь и в докладе Д.Ю. Доронина (РАНХиГС, Москва) «Шаманские демоны алтайских христиан: коммуникативные ситуации и трансформация традиционных сюжетов», основанного на полевых записях 2011–2020 гг. Исследователь сосредоточился на рассказах о встрече человека с существами актуальной алтайской демонологии, записанных от алтайцев и теленгитов, обратившихся в протестантизм. Докладчик проанализировал изменения традиционных сюжетов, а также объяснил закономерность трансформации самих демонологических персонажей, заимствуемых из шаманистской в протестантскую мифологию.

По результатам научных выступлений, прозвучавших на конференции, готовится очередной – девятый – выпуск альманаха «In Umbra: Демонология как семиотическая система».

Информация об авторе

Светлана Ю. Королёва, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; petel@yandex.ru

Information about the author

Svetlana Yu. Korolyova, Cand. of Sci. (Philology), Perm State University, Perm, Russia; bld. 6, Bukirev Str., Perm, Russia, 614990; petel@yandex.ru